

Обретя эту робкую мечту, Ли Чжи, естественно, стал обращать на Чу Минчжана куда больше внимания. Но тот больше ни разу не заглядывал в особняк Чжоу, да и самому Ли Чжи вскоре стало не до него — на носу были выпускные экзамены в средней школе.

Слава богу и пресветлому Будде, настоящие экзаменационные задания оказались куда проще тех, над которыми он корпел во время подготовки. Рука шла легко, и Ли Чжи интуитивно чувствовал: провала не будет. Так и случилось — оценки превзошли все ожидания, он явно прыгнул выше головы.

Чжоу Баюй учился в элитной частной школе, где средняя и старшая ступени были объединены. Поскольку он переходил в старшие классы автоматически, минуя любые испытания, Чжоу Госюн даже не вспоминал о существовании каких-то там экзаменов.

Тем не менее успехи Ли Чжи заставили главу семейства взглянуть на него по-новому. Набранных баллов с лихвой хватило бы для поступления в любую престижную государственную школу города S, но Ван Сяочунь и слушать об этом не желала.

— Пусть лучше учится там же, где и Баюй! — заявила она.

Чжоу Госюн пропустил её слова мимо ушей и повернулся к Ли Чжи:

— А ты сам чего хочешь? В какую школу думаешь идти?

Ли Чжи осторожно, краешком глаза покосился на Ван Сяочунь и послушно ответил:

— Я бы хотел в ту же школу, что и брат.

В тот день Чжоу Госюн проявил редкое благодушие. Он лишь коротко кивнул:

— Я понял.

Вскоре Ли Чжи действительно получил приглашение. Эта частная школа давно пользовалась славой заведения для избранных: её учениками становились исключительно отпрыски богатых и влиятельных семей, а качество образования считалось эталонным. Обычные люди лезли вон из кожи, рвали жилы ради заветного письма о зачислении — Ли Чжи же приняли без единого вступительного теста.

В конце концов, в этом мире нет ничего невозможного — всё упирается лишь в толщину кошелька.

Впрочем, этим единственным благодеянием Чжоу Госюн и ограничился. О том, чтобы дать мальчику свою фамилию, речи по-прежнему не шло. Ван Сяочунь несколько раз пыталась

заходить издалека, но Чжоу Госюн всякий раз легко отмахивался парой слов.

Похоже, даже блестящие результаты экзаменов не смогли растопить лёд в сердце Чжоу Госюна. Ван Сяочунь совсем пала духом.

Двадцатого августа Ли Чжи впервые примерил школьную форму европейского образца. Сжимая ручку тяжёлого чемодана, он забрался в салон семейного автомобиля. Впереди его ждала совершенно новая жизнь, и эта неизвестность манила, заставляя сердце взволнованно трепетать. Главное — в школе требовалось обязательное проживание в пансионе.

А значит, целых пять дней в неделю он сможет не видеть мать. Впрочем, Ван Сяочунь и так редко бывала дома: теперь она повсюду следовала за Чжоу Госюном, вникая в дела компании. Глава семейства лично обучал её азам бизнеса с нуля.

Поначалу Чжоу Госюн без особого восторга отнёсся к этой затее, решив, что его благоверная просто мается от безделья.

— Занималась бы тем же, чем и остальные светские дамы, — ворчал он. — Открыла бы ресторан японской кухни или галерею какую-нибудь. К чему тебе эти офисные хлопоты в корпорации?

Ван Сяочунь дула губы, но гнев её лишь подчёркивал её безупречную красоту — особенно когда она блистала в очередном изысканном наряде.

— Все эти галереи только деньги тянут! Не хочу я прогорать. Настоящее дело только рядом с тобой крутится.

— И зачем тебе забивать голову заработком? — добродушно посмеивался Чжоу Госюн, заботливо подкладывая ей в тарелку лучшие кусочки. — Ладно, будь по-твоему. Буду твоим личным наставником, идёт?

Только тогда Ван Сяочунь сменила гнев на милость, озарив комнату сияющей улыбкой. Ли Чжи сидел за тем же столом. Делая вид, будто увлечённо утыкается в тарелку, он украдкой наблюдал за ними обоими.

Неужели Чжоу Госюн не догадывался об истинных мотивах молодой жены? Разумеется, понимал всё без слов. И всё же согласился — должно быть, рассудил, что необразованная женщина, пусть даже под его руководством, никогда не сумеет набрать реальный вес в бизнесе.

А раз угрозы она не представляла, то и остерегаться было нечего. Проще уступить её капризу, лишь бы порадовать. К тому же в хорошем расположении духа она была ослепительно прекрасна.

В тот вечер Ли Чжи усвоил важный урок: красота — это тоже валюта. Вот только знание это было для него бесполезным, ведь его собственная внешность была, мягко говоря, невзрачной и даже отталкивающей.

Лохматая, как у бездомного, шевелюра, дешёвые очки в чёрной оправе, закрывающие пол-лица, впалая грудь, сутулые плечи и костлявое, худосочное тело — он был полной противоположностью тому, что люди называют прекрасным.

Чжоу Баюй не раз взрывался от злости при одном взгляде на него:

— Ли Чжи, твою мать, сходи ты уже к парикмахеру! Ты хоть видишь, на кого похож? Вылитый зомби из дешёвого хоррора! Меня от твоего вида наизнанку воротит!

Ли Чжи в ответ лишь робко приглаживал волосы. Стричься ему совсем не хотелось. Длинная, густая чёлка, пускай и выглядела неряшливо, дарила ему спасительное чувство защищённости.

Она служила ему своего рода панцирем, укрывавшим от назойливых расспросов и откровенно недобрых взглядов. Так ему было гораздо спокойнее.

Раздался резкий стук по стеклу.

Ли Чжи вздрогнул, поднял голову и опустил стекло. Снаружи стоял Чжоу Баюй, недовольно барабанил пальцами по дверце.

— Брат... — тихо позвал Ли Чжи.

— Чтобы в школе я от тебя ни звука не слышал, — злорадно ухмыльнулся Чжоу Баюй. — Увидишь меня — обходи за километр. Попадёшься на глаза — пришибу, понял? Там за тебя заступиться будет некому.

Ли Чжи испуганно вжался в сиденье и торопливо закивал.

— Отвечай нормально! Язык проглотил?

— По... понял, — едва слышно выдавил Ли Чжи.

Чжоу Баюй презрительно фыркнул и, сунув руки в карманы, зашагал к стоявшему впереди «Бентли». Разумеется, ехать в одной машине с Ли Чжи он не собирался — считал это позором для себя.

«Так даже лучше, — подумал Ли Чжи. — Ему и самому меньше всего хотелось, чтобы кто-то прознал об их родстве и о том, что он — незаконнорождённый сын семейства Чжоу»

Школьный кампус оказался настолько огромным, что Ли Чжи сразу же заблудился. Ему стоило немалых трудов отыскать свой спальный корпус.

Время нещадно поджимало. Понимая, что опаздывает, он даже не стал распаковывать вещи — просто затолкнул чемодан в комнату и бросился бежать обратно. К счастью, элитный пансион не скупился на удобства: каждому ученику полагалась отдельная комната, так что за оставленный посреди прихожей беспорядок его никто бы не отчитал.

Дорога к учебному корпусу тянулась через весь парк. Ли Чжи бежал со всех ног, задыхаясь от нехватки воздуха, но всё равно опоздал. Класс был забит до отказа. Стоило ему приоткрыть дверь, как десятки оценивающих взглядов скрестились на его фигуре. От смущения краска мгновенно залила его лицо. Ли Чжи судорожно сглотнул и с огромным трудом выдавил из себя тихое, едва различимое:

— Разрешите войти...

Учительница у доски даже ухом не повела, зато сидевшие неподалёку ребята всё прекрасно расслышали. Какой-то парень прыснул в кулак и зашептал соседу:

— Глянь, деревня какая, «разрешите войти» лепечет!

Ли Чжи вспыхнул ещё сильнее и замер на пороге, не зная, куда деться от стыда. И тут за его спиной раздался ровный, прохладный голос:

— Долго ты ещё будешь торчать в дверях?

Это был Чу Минчжан.

Чужой голос подействовал на него подобно удару хлыста. Кровь с шумом прилила к голове, мысли спутались, и Ли Чжи на неслушающихся, одеревеневших ногах нелепо шагнул вперёд.

Должно быть, со стороны его походка выглядела карикатурно, потому что по партам прокатился тихий смешок.

Чу Минчжан не собирался ждать, пока этот недотёпа соизволит сдвинуться с места. Он просто обошёл его и уверенным шагом направился к своему ряду. По мере того как он шёл между партами, головы одноклассников поворачивались вслед за ним, точно за голливудской звездой.

И тут до Ли Чжи наконец дошло: у дверей все смотрели вовсе не на него. Их внимание было приковано к стоявшему позади Чу Минчжану.

— Новенький, как тебя зовут? — раздался голос учительницы.

Для Ли Чжи этот вопрос прозвучал спасением. Он поспешно обернулся к трибуне:

— Ли Чжи. «Ли» — как дерево сливы, а «Чжи» — как в слове «знание».

Учительница склонилась над классным журналом, делая пометку, после чего подняла взгляд:

— Хорошо. А английское имя?

Ли Чжи растерянно захлопал глазами. Английское имя? Откуда у него могло взяться английское имя? Деваться было некуда, пришлось сознаться:

— У меня его нет...

По классу вновь пробежал приглушённый шёпот, сопровождаемый смешками:

— Ну точно из глуши приехал. Даже имени нормального нет.

— Погодите, а он вообще откуда взялся? Кто-нибудь его знает?

— Без понятия. Постой-ка... Ли Чжи? Чёрт, да это же тот самый ублюдок! Младший братец Чжоу Баюя, ну, нагулянный который. Понятно теперь, как он сюда попал — папочка пристроил.

От этих безжалостных слов по спине Ли Чжи пробежал ледяной пот. Ладони мгновенно стали влажными, голова пошла кругом, а внизу живота разлилась резкая, спасительная боль. Ему казалось, что он вот-вот потеряет сознание прямо здесь, перед всеми.

Учительница, судя по всему, тоже была в курсе семейных тайн Чжоу. В её глазах промелькнуло нечто сложное, но она быстро вернула на лицо вежливую профессиональную улыбку:

— Ничего страшного. Подумай над этим на досуге, а как выберешь — подойдёшь и скажешь мне. А сейчас проходи на свободное место... Садись к Гун Цзе. Гун Цзе, подними руку, пожалуйста.

Из глубины класса поднялась изящная девичья рука. Ли Чжи, не смея поднять глаз, поплёлся к своему месту. Парты находились в самом конце кабинета — на предпоследнем ряду.

А прямо за ним сидел Чу Минчжан.

От такого соседства у Ли Чжи буквально волосы на теле дыбом встали. Мысль о том, что за его спиной будет неотрывно сидеть Чу Минчжан, заставляла его мечтать лишь об одном: провалиться сквозь землю прямо сейчас.

И дело было вовсе не в какой-то неприязни. Напротив, Чу Минчжан состоял в дружеских отношениях с Баюем, а сам Ли Чжи питал к нему смутное, труднообъяснимое благоговение. Именно поэтому в его присутствии он всегда терялся, робел и стремился стать как можно незаметнее.

Впрочем, стоило напомнить себе, что для Минчжана он — пустое место, как напряжение немного спало.

«Ну и дурак же я, — мысленно обругал себя Ли Чжи, — вечно разыгрываю в голове целые драмы на ровном месте»

Классная руководительница озвучила стандартные организационные моменты и вскоре покинула кабинет. Едва прозвенел звонок с урока, как тишину нарушил весёлый гул голосов. Класс практически в полном составе перешёл сюда из средней школы, так что ребята давно знали друг друга и общались легко и непринуждённо.

Чужаком здесь был только он.

Как на грех, Ли Чжи умудрился оказаться в окружении главных местных звёзд. Стоило уроку закончиться, как парту Чу Минчжана облепила толпа парней. Они наперебой гомонили, расспрашивая «брatца Чу» о том, как тот провёл каникулы, а Минчжан лишь изредка лениво цедил короткие ответы, сохраняя привычную холодность.

Его соседка Гун Цзе тоже не осталась в одиночестве: её окружили щебечущие подружки. Стайка хорошеньких девушек смотрелась невероятно эффектно — впрочем, и собиравшиеся позади парни щеголяли стильными стрижками и дорогой одеждой.

В окружении всей этой золотой молодёжи Ли Чжи чувствовал себя гадким утёнком. На фоне лощёных одноклассников он казался бесцветным пугалом, и от этого контраста грудь болезненно сдавило разочарованием. Ведь ещё утром он так отчаянно надеялся на перемены.

Прозвенел звонок на следующий урок, и в класс вошёл учитель литературы.

Это учебное заведение имело свою специфику: оно не считалось исключительно международным колледжем, поэтому здесь преподавали как по зарубежным, так и по государственным программам.

Международное направление делилось на два потока: американскую систему AP и британскую A-level. Выбор оставался за учениками, однако для зачисления на AP требовалось сдать специальный квалификационный экзамен, тогда как на A-level брали всех желающих. По этой причине те, кто выбрал американскую программу, в первый год обучения занимались по общему государственному стандарту вместе с остальными.

В итоге ребята, планирующие сдавать обычный единый госэкзамен для поступления в отечественные вузы, весь первый год сидели за одними партами с будущими студентами зарубежных университетов. Лишь на второй год классы окончательно расформировывали. Впрочем, желающих идти по классическому пути здесь насчитывались единицы.

Для Ли Чжи вся эта академическая разница не имела ровным счётом никакого значения.

Тихо вздохнув, он попытался сосредоточиться на монотонном голосе учителя. Увы, после начала приёма препаратов удерживать внимание с каждым днём становилось всё труднее. Не прошло и пятнадцати минут, как мысли его унеслись далеко за пределы школьных стен.

Вытащив из-под учебника тетрадь, он принялся торопливо записывать на полях всякую чепуху — просто чтобы занять руки.

«Похоже, я уже сейчас могу в подробностях расписать всю свою унылую школьную жизнь до самого выпуска»

Он задал своему будущему весьма мрачный и тоскливый тон. Однако Ли Чжи совсем позабыл о том, что госпожа удача никогда не баловала его своим вниманием. А потому суровая реальность готовилась нанести ему очередной удар.

Новые школьные будни должны были оказаться куда более невыносимыми, чем он мог себе представить.

<http://bllate.org/book/20441/2108805>